

Петръ Витязевъ.

Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской
губерніи и его занятія антропологіей.

Изданіе Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края.

ВОЛОГДА.
Типографія П. А. Цвѣтова.
1915.

Для отзыва

Петръ Витязевъ.

Въ редакцію журнала
"Землеводство"

Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской
губерніи и его занятія антропологіей.

Издание Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края.

Ш 635045

ВОЛОГДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ВОЛОГДА.

Типографія П. А. Цвѣтова.

1915.

Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской губерніи и его занятія антропологіей.

Во ~~некоторых~~ ^{старом} выпускѣ „Извѣстій Вологодскаго Общества Изученія Сѣвернаго Края“ читатели найдутъ статью—„Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губерніи“, принадлежащую перу извѣстнаго русскаго социалиста и философа Петра Лавровича Лаврова. Большинство читателей будетъ, конечно, удивлено тѣмъ обстоятельствомъ, что Лавровъ вдругъ удѣлилъ вниманіе Вологодской губерніи. Для нихъ это явится полной неожиданностью и, во всякомъ случаѣ, они отнесутъ этотъ фактъ къ чисто случайнымъ въ жизни Лаврова. На дѣлѣ же данная статья явленіе далеко не случайное и какъ она сама, такъ и ея тема самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ жизнью П. Л. Лаврова и его міровозрѣніемъ. Ближайшимъ поводомъ къ ея появленію была ссылка Лаврова въ Вологодскую губернію. Тема же статьи цѣликомъ вытекала изъ основныхъ пунктовъ его міросозерцанія, которое довьсно близко соприкасается съ антропологіей. Вотъ почему я, говоря о Лавровѣ, коснусь только двухъ сторонъ изъ его жизни и дѣятельности—вологодской ссылки и его антропологической системы. Попутно я въ самыхъ общихъ чертахъ затрону вопросъ о роли и значеніи Лаврова въ развитіи антропологіи въ Россіи.

Исторія ссылки Лаврова въ Вологодскую губернію крайне проста. Послѣ рокового выстрѣла Каракозова 4 апрѣля 1866 г. въ Александра II въ Петербургѣ начались повальные аресты и обыски. Съ этого момента русское правительство стало на путь прямой реакціи и ликвидаціи реформъ 60 г. Петербургъ въ то время былъ отданъ въ полную власть генерала Муравьева, который арестовывалъ всѣхъ, кто хоть чѣмъ нибудь заявилъ себя въ смыслѣ оппозиціи или свободныхъ взглядовъ. Въ числѣ прочихъ былъ арестованъ 25 апрѣля 1866 г. и Лавровъ. Для Муравьева онъ явился, конечно, „опаснымъ человѣкомъ“. Во-первыхъ, Лавровъ не скрывалъ своихъ прогрессивныхъ взглядовъ и открыто сотрудничалъ въ тогдашнихъ прогрессивныхъ журналахъ. Кромѣ того, онъ былъ редакторомъ „Энциклопедическаго Словаря русскихъ ученыхъ 1862 г.“, который вызвалъ страшное недовольство среди правой печати и духовенства и былъ, въ концѣ концовъ, по ихъ доносамъ закрытъ правительствомъ. Учили, конечно, и его публичное выступленіе въ 1860 г. съ тремя лекціями о философіи, которыя въ то время надѣлали не мало шума. Помимо всего этого, не малую роль здѣсь сыграло и знакомство Лаврова съ Н. Г. Чернышевскимъ, у котораго онъ бывалъ на дому и числился даже въ разрядѣ его „близкихъ“.

знакомых“, какъ свидѣтельствуеетъ намъ М. А. Антоновичъ ¹⁾). Вотъ собственно истинные мотивы ареста и ссылки Лаврова. Ни къ какой революціонной дѣятельности онъ тогда не имѣлъ ровно никакого отношенія и являлся только лѣвымъ либераломъ. «Арестъ Лаврова,—вспоминаетъ Антоновичъ,—произвелъ большой эффектъ въ русскомъ обществѣ. Это было всеобщее удивленіе и недоумѣніе. Оно было распространено буквально на всѣ круги общества, начиная съ лѣвыхъ и кончая либеральными. Полковникъ, профессоръ артиллерійской академіи и вдругъ арестованъ! Всѣ считали этотъ арестъ неосновательнымъ, по какому нибудь дустому поводу. Либеральные круги открыто возмущались, лѣвые элементы съ удивленіемъ пожимали плечами»... «Объ арестѣ Лаврова,—разсказываетъ другой современникъ Сажинъ,—говорили только, какъ о фактѣ, иллюстрировавшемъ безцеремонную политику тогдашняго правительства, которое даже начало преслѣдовать либераловъ... Всѣ недоумѣвали, за что могли арестовать Лаврова, извѣстнаго только своими либеральными взглядами»...

Обыскъ, произведенный у Лаврова, обнаружилъ рядъ писемъ, указывающихъ на его знакомство съ Н. Г. Чернышевскимъ, Утинымъ, профессоромъ Павловымъ и Михайловымъ. Помимо этого, былъ найденъ цѣлый рядъ стихотвореній, принадлежащихъ Лаврову, довольно рѣзкаго содержанія, какъ „Пророчество“, „Русскому Царю“, „Русскому Народу“, „Шарманка“, „На смерть Императора Николая I-го“ и другія ²⁾).

За свободный духъ этихъ стихотвореній, а также нѣкоторыхъ рукописныхъ статей, найденныхъ у него ³⁾), Лавровъ былъ преданъ военному суду, который приговорилъ его къ трехмѣсячному наказанію. Этотъ приговоръ не удовлетворилъ тогдашнее правительство и былъ признанъ слишкомъ мягкимъ въ отношеніи Лаврова. По заключенію и докладу генералъ-аудиторіата Философова (мужъ знаменитой дѣятельницы по женскому вопросу—Анны Павловны Философовой) Лаврову въ счетъ приговора суда зачитывалось предварительное сидѣніе и затѣмъ онъ увольнялся отъ службы изъ артиллерійской академіи, гдѣ онъ былъ профессоромъ, и ссылался подъ строгій полицейскій надзоръ въ одну изъ *внутреннихъ* губерній Россіи. Заключение Философова было Высочайше подтверждено 5 января 1867 г. Здѣсь необходимо только отмѣтить, что при исполненіи этого новаго приговора III-е Отдѣленіе проявило вдругъ полное незнаніе географіи Россіи и сослало Лаврова въ Вологодскую губернію, считая, что это и есть „внутренняя“ губернія... Суровое наказаніе, понесенное Лавровымъ исклю-

¹⁾ Отсылаю читателей къ своей статьѣ „П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ“, которая появится въ ~~Сѣверномъ вѣстникѣ~~ ^{Сѣверномъ вѣстникѣ} книжкѣ журнала „Голосъ Минувшаго“ за этотъ годъ. Здѣсь мною приводятся воспоминанія, полученные отъ М. А. Антоновича, Г. А. Лопатина, М. П. Негрескуль (дочь Лаврова) и М. П. Сажина. Въ настоящей статьѣ я буду главнымъ образомъ пользоваться этимъ новымъ матеріаломъ, еще неизвѣстнымъ читающей публикѣ.

²⁾ Къ процессу П. Л. Лаврова „Былое“ за 1906 г. № 8 стр. 35.

³⁾ „Мысли въ слухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи“, „Письма о современныхъ событіяхъ“ и другія.

чительно за свои свободные прогрессивные взгляды, вызвало въ то время не малое возмущеніе во всѣхъ слояхъ русскаго общества. „Ссылка Лаврова—говоритъ Антоновичъ—еще больше всѣхъ удивила и возмутила, какъ слишкомъ суровое и строгое наказаніе, совершенно незаслуженное такимъ человекомъ, какъ П. Л. Лавровъ“.

Въ Вологодскую губернію Лавровъ прибылъ 15 февраля 1867 года. Остаться въ самой Вологдѣ ему, несмотря на всѣ хлопоты, не удалось и тогдашній губернаторъ С. Ѳ. Хоминскій назначилъ ему мѣстомъ жительства г. Тотьму. О пребываніи Лаврова въ этомъ городѣ свѣдѣній почти не имѣется. Нѣсколько словъ объ этомъ можно найти въ воспоминаніяхъ Сажина. „Въ Тотьмѣ вмѣстѣ съ Лавровымъ, рассказываетъ онъ, въ числѣ другихъ раздѣляли изгнаніе Линева, Гернетъ и Чаплицкая. Послѣдняя была выслана за польское возстаніе. Ей грозило серьезное наказаніе, но благодаря своимъ связямъ она отдѣлалась только ссылкой. Лавровъ очень близко сошелся съ Чаплицкой, горячо полюбилъ ее и жилъ съ ней гражданскимъ бракомъ за все время своей ссылки въ Тотьмѣ... Въ Тотьмѣ Лавровъ былъ центромъ тамошней ссылки. На его квартирѣ очень часто собиралась вся ссылка, приходили кромѣ того учителя и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Когда Лавровъ получилъ разрѣшеніе жить въ Вологдѣ, то его провожала за городъ довольно шумная и большая компанія изъ ссыльныхъ и мѣстныхъ знакомыхъ. На радостяхъ вся компанія подвыпила и отъѣзжающаго Лаврова проводили различными привѣтствіями со всяческими хорошими пожеланіями“. Впослѣдствіи мы увидимъ, что эти проводы стоили Лаврову очень дорого, благодаря вологодскому жандармскому полковнику г. Мерклину.

Въ Тотьмѣ Лавровъ пробылъ почти два года и осенью 1868 г. ему, наконецъ, разрѣшили переѣхать въ г. Вологду. Здѣсь онъ поселился въ большой квартирѣ въ 5 комнатъ на Архангельской улицѣ. Квартиру эту ему подыскалъ Н. В. Шелгуновъ, жившій самъ наискось отъ Лаврова на той же улицѣ, которая являлась какъ бы центромъ тогдашней ссылки. Вмѣстѣ съ Лавровымъ за все время его ссылки въ Вологодской губерніи жила съ нимъ и его мать Елисавета Карловна, старушка преклонныхъ лѣтъ ¹⁾. Не за долго до пріѣзда Лаврова, въ Вологдѣ находился еще въ ссылкѣ Берви (Флеровскій) ²⁾, но онъ осенью 1868 г. перевелся въ Тверь и здѣсь осталось только двое ссыльныхъ: Н. В. Шелгуновъ и М. П. Сажинъ.

¹⁾ Въ моментъ ссылки Лаврова ей было 78 лѣтъ.

²⁾ Авторъ извѣстной въ свое время книги «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Извѣстенъ блестящій отзывъ объ этомъ трудѣ Карла Маркса. «Это—трудъ, писалъ онъ,—серьезнаго наблюдателя, безстрашнаго критика, мощнаго художника и—прежде всего—человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ... Такие труды, какъ Флеровскаго и нашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи». Книгу эту Флеровскій написалъ въ Вологдѣ, при чемъ онъ здѣсь использовалъ большой статистическій матеріалъ, найденный имъ въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ.

Въ то время положеніе ссыльныхъ въ г. Вологдѣ было очень хорошее. И вологодская администрація и мѣстное общество относились къ нимъ вполне прилично и даже съ сочувствіемъ. „Ссылные устраивались,—говорить вологжанинъ П. Засодимскій,—сносно, съ мѣстнымъ населеніемъ жили въ ладу, общество уже привыкло къ нимъ, не смотрѣло на нихъ, какъ на лютыхъ злодѣевъ, да и тогдашній губернаторъ, генераль Хоминскій, не притѣснялъ ихъ. Ссылные были приняты въ общества; у иныхъ изъ нихъ завязывались здѣсь прочныя дружескія связи... Н. В. Шелгуновъ, напримѣръ, нашелъ въ Вологдѣ много искреннихъ друзей и самыхъ горячихъ почитателей и почитательницъ; онъ былъ желаннымъ гостемъ въ нашихъ лучшихъ домахъ, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ, почтенномъ семействѣ—воинскаго начальника генерала Э. И. Степанова и др.¹⁾).

Шелгуновъ въ первый періодъ своей жизни въ г. Вологдѣ дѣйствительно велъ довольно широкую жизнь, поддерживая знакомства со всѣмъ тогдашнимъ вологодскимъ обществомъ. „Вмѣстѣ съ нимъ въ Вологдѣ,—разсказываетъ Сажинъ,—находилась его жена Людмила Петровна. Это была свѣтская женщина и въ скоромъ времени Шелгуновы приобрѣли большія знакомства въ г. Вологдѣ. У нихъ бывало очень много чиновниковъ, помѣщиковъ и вообще мѣстныхъ жителей. Первое время Шелгуновъ жилъ въ районѣ бульвара, недалеко отъ Большой Дворянской улицы. Послѣ отъѣзда жены Шелгуновъ снялъ небольшую квартиру на Архангельской улицѣ. Здѣсь на этой же улицѣ недалеко отъ него жилъ и Берви“.

Что касается Вологодской администраціи, то она въ то время была довольно сносная. „Губернаторомъ былъ,—вспоминаетъ Сажинъ,—С. О. Хоминскій. До этого онъ занималъ какой-то видный постъ въ Польшѣ, но затѣмъ попалъ на подозрѣніе и былъ въ видѣ наказанія назначенъ губернаторомъ въ Вологду, причемъ онъ на цѣлыхъ 5 лѣтъ былъ лишенъ права являться ко Двору. Къ ссыльнымъ онъ относился въ общемъ довольно хорошо. Онъ самъ внимательно перечитывалъ большую часть статей, которыя отправлялъ въ журналъ „Дѣло“—Шелгуновъ, а также статьи, пересылаемыя Лавровымъ... Однажды даже, встрѣтившись съ Шелгуновымъ въ частномъ домѣ, онъ затѣялъ съ нимъ подробный разговоръ о его статьяхъ“. Надо вообще сказать, что благодаря Хоминскому и Шелгуновъ и Берви-Флевровскій и Лавровъ могли свободно сотрудничать во всѣхъ тогдашнихъ перодовыхъ журналахъ и онъ никогда не задерживалъ ихъ статей...¹⁾

Помимо Хоминскаго и прочіе члены вологодской администраціи были выкроены нѣсколько на иной ладъ... „Правителемъ канцеляріи губернатора,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ Сажина,—состоялъ тогда Тишинъ. Это былъ тоже либеральный человекъ, который относился къ ссыльнымъ вполне прилично. Но самой интересной фигурой изъ вологодской администраціи былъ Николай Васильевичъ Кедровскій, зани-

1) П. Засодимскій „Страничка изъ литературныхъ воспоминаній“ „Историч. Вѣстникъ“ за 1904 г.—май стр. 501—502.

мавшій постъ помощника правителя канцеляріи и завѣдующій столомъ ссыльно-политическихъ. Это былъ самый ярый послѣдователь Н. Г. Чернышевскаго. Надо вообще замѣтить, что вліяніе Чернышевскаго вообще было въ тѣ времена очень сильно. Отразилось оно, конечно, и на Вологдѣ. Кедровскій незадолго до своей службы былъ воспитанникомъ вологодской духовной семинаріи. Здѣсь онъ совмѣстно съ семинаристами Одинцовымъ, Соловьевымъ и Доброписцевымъ основалъ кружокъ „чернышевцевъ“, который пользовался большимъ вліяніемъ среди вологодской молодежи... Названный Кедровскій былъ самымъ преданнымъ другомъ ссыльныхъ. Онъ оказывалъ имъ цѣлый рядъ услугъ, сообщалъ о всѣхъ бумагахъ и распоряженіяхъ, какія получались въ канцеляріи губернатора относительно ссыльныхъ... Кедровскій былъ желаннымъ и частымъ гостемъ ссыльныхъ, и я за все время своей ссылки чуть ли не каждый вечеръ проводилъ у него*.

О жизни Лаврова въ Вологдѣ довольно подробно разсказывается въ воспоминаніяхъ Сажина. „Лавровъ пріѣхалъ въ Вологду, повѣствуетъ онъ, со своей матерью и поселился на найденной ему квартирѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ заявилъ Шелгунову и мнѣ, что намѣренъ пріобрѣсти знакомства съ мѣстнымъ населеніемъ, хочетъ вести здѣсь широкую жизнь и устраивать у себя литературные вечера, приглашая на нихъ мѣстную интеллигенцію. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать визиты кое-кому изъ членовъ вологодской администраціи, а также нѣкоторымъ помѣщикамъ. Шелгуновъ и я сдѣлали попытки отговорить Лаврова отъ этихъ визитовъ, но онъ съ нами не согласился и даже нѣсколько нахмурился на наши совѣты. Впрочемъ, надо сказать, что эта исторія съ визитами ничуть не удивила меня и Кедровскаго. Мы считали Лаврова по просту „либераломъ“ и потому не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго. Да и вообще надо сказать, что наша компанія, состоявшая изъ меня, Кедровскаго, Одинцова и Соловьева (оба послѣднихъ служили въ Вологдѣ чиновниками), рѣзко противопоставляла себя Шелгунову и Верви. Мы ихъ считали представителями устарѣвшаго поколѣнія. Что касается отношеній къ Лаврову, то мы его считали „баринномъ-либераломъ“. Въ этомъ отношеніи Шелгуновъ былъ для насъ болѣе демократичнымъ и близкимъ человѣкомъ, хотя и его мы не считали „своимъ“... Впрочемъ, все это не мѣшало Кедровскому глубоко уважать Лаврова, какъ умнаго и ученаго человѣка и по своему цѣнить его“...

„Исторія съ визитами, разсказываетъ дальше Сажинъ, окончилась для Лаврова очень неудачно и комично. Никто изъ мѣстныхъ жителей не отдалъ ему визита... Все это страшно смутило Лаврова, и онъ постарался въ одинъ изъ вечеровъ объяснить мнѣ и Кедровскому мотивы своего поступка. Какъ оказывается, Лавровъ считалъ себя невинно пострадавшимъ, жертвою Муравьева. Ему хотѣлось связаться съ мѣстнымъ обществомъ и показать фактически своею жизнью въ Вологдѣ администраціи, что онъ вовсе не опасный человѣкъ, котораго надо было держать въ ссылкѣ. Лав-

ровъ былъ тогда еще увѣренъ, что русское правительство пойметъ свою ошибку и вернетъ его въ Петербургъ, такъ какъ онъ собственно ученый и человѣкъ обыкновенныхъ либеральныхъ взглядовъ, котораго довольно странно карать ссылкой. Характерно, что на предложеніе мое и Кедровскаго напомнить о себѣ прошеніемъ, хотя бы о переводѣ въ другое мѣсто или о прекращеніи ссылки, Лавровъ отвѣтилъ самымъ рѣзкимъ отказомъ. Между тѣмъ, подача такихъ прошеній отнюдь не считалась тогда предосудительной и практиковалась очень многими ссылными, и мы съ Кедровскимъ были удивлены отказомъ Лаврова. По его мнѣнію, во всемъ виновато само правительство. Разъ такъ, то оно и должно само о немъ вспомнить и загладить предъ нимъ свою ошибку. Самъ же онъ никакихъ прошеній писать не желаетъ...

Разъ въ недѣлю, чуть ли не по четвергамъ, Лавровъ устраивалъ у себя вечера, на которыхъ почти никто изъ мѣстныхъ жителей не бывалъ. Иногда только приѣзжалъ Тишинъ. Зато я, Кедровскій и Шелгуновъ никогда не пропускали этихъ вечеровъ. Обыкновенно собирались въ столовой Лаврова. Мать его усаживалась за самоваромъ и играла роль радушной хозяйки. Въ эти вечера Лавровъ былъ очень разговорчивъ“...

Къ сожалѣнію, пребываніе Лаврова въ г. Вологдѣ было очень кратковременнымъ и ему неожиданно пришлось покинуть этотъ городъ. „Въ октябрѣ 1868 г.,—говоритъ Сажинъ,—ко мнѣ однажды приѣзжалъ взволнованный Кедровскій и рассказалъ, что въ канцеляріи губернатора имѣется распоряженіе о высылкѣ Лаврова изъ Вологды въ г. Кадниковъ. Оказалось, что изъ проводовъ Лаврова изъ г. Тотьмы начальникъ вологодскаго жандармскаго управленія Мерклинъ создалъ цѣлое дѣло. Онъ написалъ въ Петербургъ доносъ о выраженіи сочувствія государственному преступнику, т. е. Лаврову со стороны мѣстнаго населенія и ссылныхъ. О преступныхъ рѣчахъ, которыя якобы при этомъ произносились, чего въ дѣйствительности, конечно, не было. Въ общемъ, изъ доноса Мерклинъ дѣлалъ выводъ, что Лавровъ опасный человѣкъ для Вологды, такъ какъ можетъ воздѣйствовать вредно на мѣстное населеніе. Здѣсь надо сказать, что Мерклинъ страшно придирался къ ссылнымъ и все время заботился, чтобы очистить отъ нихъ Вологду или довести число ихъ тамъ до минимума. Въ отвѣтъ на донесеніе Мерклина изъ Петербурга отъ III-го отдѣленія пришло на имя Вологодскаго Губернатора распоряженіе—„согласно представленію начальника вологодскаго жандармскаго управленія выслать Лаврова въ г. Кадниковъ“. Все это сообщилъ мнѣ Кедровскій, къ которому поступила эта бумага. Этимъ доносомъ Мерклина, по всей вѣроятности, и было вызвано то обстоятельство, что вмѣстѣ съ Лавровымъ въ Кадниковъ было отправлено для наблюденія спеціально за нимъ два жандарма. А быть можетъ это былъ личный „капризъ“ самаго Мерклина. Въ Кадниковѣ Лавровъ былъ единственнымъ ссылнымъ... „Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Вологдѣ, Лавровъ отправился въ октябрѣ съ матерью въ гор. Кадниковъ.

Мы съ Кедровскимъ и Шелгуновымъ пособили ему ликвидировать его дѣла, упаковать вещи и распрощались съ нимъ“...

Вскорѣ послѣ отъѣзда Лаврова въ Кадниковъ, въ Вологду пріѣхала изъ Тотмы Чаплицкая. Ей удалось перевестись въ одинъ изъ городовъ Царства Польскаго и она хлопотала предъ Хоминскимъ о выдачѣ ей проходного свидѣтельства. Ей надо было ѣхать безъ надзора, ибо она рѣшила бѣжать за-границу. Хлопоты затянулись и Чаплицкой пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Вологдѣ. Здѣсь интересно отмѣтить, что Лавровъ самовольно, тайнымъ образомъ, неоднократно пріѣзжалъ изъ Кадникова въ Вологду на свиданіе съ Чаплицкой. Все это устраивалось при помощи Кедровскаго, который между прочимъ прекрасно зналъ, что Чаплицкая собирается бѣжать за границу. Вотъ, что объ этомъ рассказываетъ Сажинъ.

„Однажды вечеромъ,—читаемъ мы у него,—я, по обыкновенію, отправился въ гости къ Кедровскому, который жилъ на Архангельской улицѣ въ послѣднемъ домѣ на окраинѣ города. Домъ этотъ принадлежалъ священнику, который самъ жилъ въ нижнемъ этажѣ. Войдя во дворъ, я увидѣлъ сани и лошадей, отъ которыхъ валилъ сильный паръ. „Вѣроятно, пріѣхали къ попу за требами“—рѣшилъ я и направился въ квартиру Кедровскаго. Но едва я вошелъ въ сѣни, какъ натолкнулся на какую-то громадную фигуру, закутанную въ шубу, которая безпомощно ошупывала двери, ища звонокъ. Я открылъ незнакомцу двери и заявилъ Кедровскому, что къ нему пріѣхалъ какой-то господинъ. „Да, да,—отвѣтилъ Кедровскій,—я знаю. Это дѣйствительно ко мнѣ“. Какое же было мое удивленіе, когда подъ шубой оказался Петръ Лавровичъ. Въ довершеніе всего у Кедровскаго оказалась Чаплицкая, поджидавшая Лаврова. Оказывается, что Лавровъ пріѣхалъ къ ней тайкомъ изъ Кадникова на свиданіе. Кедровскій же въ данномъ случаѣ предоставлялъ имъ свою квартиру и, повидимому, черезъ него и организовывались эти встрѣчи... Въ Кадниковѣ въ то время былъ знаменитый ямщикъ, котораго, кажется, звали Кузьмой. Онъ неоднократно привозилъ тайкомъ изъ Кадникова въ Вологду чиновниковъ, желавшихъ здѣсь покутить. Пріѣзжать въ тѣ времена безъ разрѣшенія чиновники не могли, и ихъ-то и выручалъ Кузьма. Онъ выѣзжалъ обыкновенно изъ Кадникова вечеромъ, когда становилось темно. Пока чиновники кутили, его лошади отдыхали. Затѣмъ, онъ обратно изъ Вологды выѣзжалъ съ такимъ расчетомъ, чтобы попасть въ Кадниковъ съ разсвѣтомъ, когда весь городъ спитъ. Услугами Кузьмы и воспользовался Лавровъ, чтобы самовольно пріѣхать въ Вологду. И необходимо добавить, что за все время пребыванія Чаплицкой въ Вологдѣ, Лавровъ раза четыре пріѣзжалъ изъ Кадникова къ Кедровскому въ гости“...

Впослѣдствіи Чаплицкая, дѣйствительно, бѣжала за границу и Лавровъ жилъ съ ней въ Парижѣ, хотя они и жили въ разныхъ квартирахъ. Умерла Чаплицкая въ Брюсселѣ въ 1871 или 72 году. Въ 1869 году бѣжалъ изъ Вологды и Сажинъ. Объ этомъ побѣгѣ я приведу рассказъ самого Сажина,

такъ какъ здѣсь довольно ярко характеризуется личность г. Мерклина, котораго ненавидѣла буквально вся Вологда. „Въ 1869 г. въ Вологдѣ,—повѣствуетъ онъ,—изъ ссыльныхъ остался я одинъ. Шелгуновъ перевелся весной этого года въ Калугу. Я рѣшилъ бѣжать за-границу. Обстоятельства мнѣ благопріятствовали. Дѣло въ томъ, что Мерклинъ вообще страдалъ маніей доносовъ. Выдворивъ изъ Вологды Лаврова, онъ занялся мѣстными чиновниками. Въ Петербургъ посыпались отъ него безконечныя донесенія о томъ, что одни чиновники непочтительно относятся къ начальству, другіе курятъ въ присутствіи и т. п. Въ результатѣ, многіе изъ чиновниковъ были уволены со службы и вообще пострадали. Покончивъ съ чиновниками, неугомонный Мерклинъ со всѣми своими помощниками помчался въ Тотьму, гдѣ въ это время среди лѣсничихъ были обнаружены хищничества въ дѣлѣ продажи казеннаго лѣса. Мерклинъ спѣшилъ и на этомъ дѣлѣ выдвинуться путемъ доносовъ. Между тѣмъ, я вполне резонно рѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ въ Вологдѣ, какъ самаго Мерклина, такъ и жандармовъ вообще, такъ какъ почти всѣ они уѣхали въ Тотьму. Побѣгъ мой удался легко, и я отправился въ Америку“.

За все время своего пребыванія въ Вологодской губерніи, Лавровъ исключительно занимался литературной дѣятельностью. Работалъ онъ всѣ дни и большую часть ночи. Въ силу этого къ Лаврову даже примѣнялся „особый“ способъ надзора со стороны наблюдавшихъ за нимъ лицъ. „Наблюдавшимъ за нимъ жандармамъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ современника,—не рекомендовалось беспокоить его ежедневными посѣщеніями. Надзоръ ограничивался лишь наблюденіемъ за огнемъ въ его квартирѣ. Дѣло въ томъ, что Лавровъ всѣ дни и большую часть ночи проводилъ за письменнымъ столомъ и его кабинетъ въ темное время былъ постоянно освѣщенъ далеко за полночь. Вотъ этотъ огонекъ и являлся для наблюдавшаго очевиднымъ доказательствомъ, что поднадзорный сидитъ дома и „пишетъ“ какъ ежедневно докладывали наблюдавшіе начальству“¹⁾.

Этимъ обстоятельствомъ потомъ прекрасно воспользовался Г. А. Лопатинъ, который организовывалъ побѣгъ Лаврова. По его совѣту, престарѣлая мать Лаврова зажигала по ночамъ послѣ бѣгства сына въ его кабинетѣ огонь и жандармы были увѣрены, что Лавровъ все „пишетъ“, въ то время, когда его и слѣдъ простылъ. Въ воспоминаніяхъ же дочери Лаврова указывается, что находчивая старушка даже до поздней ночи прохаживалась по его комнатѣ, что имѣлъ обыкновеніе дѣлать Лавровъ во время литературной работы. „Когда Лавровъ уѣхалъ,—разсказываетъ одинъ изъ современниковъ—П. Засодимскій,—его мать осталась въ Кадниковѣ и, вечеромъ, спустивъ шторы и зажегши лампу, долго ходила по комнатѣ его размѣренной поступью... Тѣнь въ окнахъ мелькала, и люди, заботившіеся о Лавровѣ, оставались спокойны—въ полной увѣренности, что онъ—живъ—

1) Бѣгство П. Л. Лаврова „Вологодскій Листокъ“ отъ 27 января 1915 г. № 810.

здоровъ и пребываетъ дома. А тотъ, между тѣмъ, былъ уже далеко отъ вологодскихъ лѣсовъ“...¹⁾

Періодъ жизни Лаврова въ Вологодской ссылкѣ можетъ быть отмѣченъ, какъ весьма плодотворный въ литературномъ смыслѣ. За это время онъ оставилъ не мало цѣнныхъ работъ и статей, говорящихъ о его удивительной энергіи и трудоспособности. Вотъ краткій и далеко не полный перечень работъ, сдѣланныхъ имъ въ Вологодской губерніи: ²⁾

1) Идеи о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени. „Вѣстн. Европы“ за 1867 г. № 3. Подпись: П. П. ³⁾ 2) Средне-вѣковый Римъ и папство въ эпоху Теодоры и Мораціи. „Женск. Вѣстн.“ за 1867 г. № 7. Подпись: П. Миртовъ; 3) Женщины во Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ.—„Женск. Вѣстн.“ за 1867 г. № 4. Подпись: П. Миртовъ; 4) Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли—„Невскій сборникъ“ за 1867 г. т. I. Подпись: П—овъ; 5) Гербертъ Спенсеръ и его опыты „Женскій Вѣстн.“ за 1867 г. № 6. Подпись: П. Миртовъ; 6) Сѣверо-американское сектаторство—„Отечеств. Записки“ за 1868 г. №№ 4, 6, 7 и 8. Безъ подписи; 7) Развитіе ученія о мивическихъ вѣрованіяхъ—„Современ. Обзорніе“ за 1868 г. № 3 и 4. Подпись: П. Л—въ; 8) Историческое значеніе науки и книга Уэвеля—„Отеч. Записки“ за 1868 г. № 3. Безъ подписи; 9) Роль науки въ періодъ возрожденія и реформаціи—„Отеч. Записки“ за 1868 г. №№ 10, 11 и 12. Безъ подписи; 10) Антропологическіе этюды „Соврем. Обзорн.“ за 1868 г. № 6. Подпись: П. Л—овъ; 11) Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе „Совр. Обзорн.“ за 1868 г. № 5. Подпись: П. Л.; 12) Письмо въ редакцію о задачахъ критическаго журнала—„Библиографъ“ за 1869 г. № 1. Подпись: Провинціалъ; 13) Обзоръ иностранной антропологической литературы—„Библиографъ“ за 1869 г. № 1. Безъ подписи; 14) Антропологи въ Европѣ—„Отечествен. Записки“ за 1869 г. № 3. Безъ подписи; 15) Цивилизація и дикія племена „Отеч. Записки“ за 1869 г. №№ 5, 6, 8 и 9. Безъ подписи; 16) До человѣка „Отеч. Записки“ за 1870 г. № 1, 2 и 3. Безъ подписи; 17) Формула прогресса г. Михайловскаго—„Отеч. Записки“ за 1870 г. № 2. Безъ подписи; 18) Современные ученія о нрав-

¹⁾ Страничка изъ литературн. воспоминаній — «Историч. Вѣстн.» 1904 г. май стр. 503.

²⁾ Здѣсь надо отмѣтить, что еще до сихъ поръ не имѣется полного списка работъ Лаврова въ русскихъ журналахъ. Я пользуюсь библиографическимъ указателемъ о Лавровѣ, составленнымъ Я. Н. Колубовскимъ (Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи „Вопросы философіи и психологіи“ № 44 за 1898 г. стр. 285). Перечень этотъ доведенъ только до 1889 г. отнюдь не можетъ считаться исчерпывающимъ. Въ этомъ сознается и самъ Колубовскій. «Какъ по трудности отыскивать статьи Лаврова,—пишетъ онъ,—такъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ, вышеприведенный перечень не можетъ считаться полнымъ». Въ перечнѣ статей, указанныхъ имъ не имѣется, напримѣръ, работы Лаврова, написанной въ Вологдѣ, о логическихъ изслѣдованіяхъ Тренделенбурга и помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“, на что имѣются указанія въ воспоминаніяхъ Сажина.

³⁾ О принадлежности этой статьи Лаврову намъ свидѣтельствуютъ его письма къ М. Стасюльвичу. Въ указателѣ Колубовскаго этой статьи также не имѣется.

ственности и ея исторія—„Отеч. Записки“ № 3, 4, 5, 6 и 8. Безъ подписи; 19) Историческія письма, которыя печатались въ 1868 и 69 гг. въ „Недѣль“, а затѣмъ въ 1870 г. были изданы отдѣльной книжкой. Вотъ всѣ работы Лаврова за періодъ его ссылки въ Вологодской губерніи, которыя намъ пока извѣстны. Онѣ довольно наглядно говорятъ о интенсивности и энергіи, съ которыми Лавровъ работалъ во время своего изгнанія.

Условія для литературной работы въ ссылкѣ были крайне неблагопріятныя, а особенно для чисто научной, къ которой всегда влекло П. Л. Лаврова. Отсутствіе книгъ, необходимыхъ пособій и матеріаловъ заставляло его суживать рамки намѣченныхъ темъ, сокращать ихъ, а иногда и выбирать таковыя не по собственному желанію, а въ зависимости отъ имѣющагося у него матеріала. Все это, конечно, накладывало опредѣленную печать на характеръ работъ Лаврова въ Вологодской губерніи. Будущимъ изслѣдователямъ трудовъ Лаврова необходимо учитывать это обстоятельство. Вотъ, на примѣръ, что пишетъ Лавровъ изъ Тотьмы редактору „Вѣстника Европы“—М. Стасюлевичу—по поводу одной своей статьи. „Конечно,—читаемъ мы тамъ,—въ Петербургѣ было бы удобнѣе написать и статья вышла бы лучше, такъ какъ нѣкоторыхъ матеріаловъ здѣсь у меня нѣтъ и не будетъ, но все-таки полагаю, что выйдетъ сносно... Въ Вологдѣ не удалось остаться, а здѣсь въ Тотьмѣ, какъ на бивакахъ, безъ вещей и безъ большей части книгъ“. ¹⁾

Переслать Лаврову всю его громадную библіотеку въ ссылку изъ Петербурга, конечно, было немислимо. Объ этомъ упоминаетъ и дочь Лаврова М. П. Негрескулъ. „Въ Тотьму отцу,—разсказываетъ она,—переслали лишь небольшую часть его громадной библіотеки“.

Несмотря на эти неблагопріятныя условія, Лавровъ все-таки даль рядъ цѣнныхъ работъ и надо только удивляться тому, какъ онъ, живя въ захолустныхъ городкахъ Вологодской губерніи, сумѣлъ не только слѣдить за новѣйшими теченіями науки, но и внести сюда свой вкладъ. Поражала также въ этихъ работахъ и его громадная эрудиція, по трактуемымъ имъ вопросамъ, приобрѣсти которую въ скудныхъ условіяхъ его жизни въ Вологодской губерніи безъ библіотекъ и матеріаловъ было очень и очень трудно. Изъ работъ Лаврова за періодъ его ссылки большое научное значеніе имѣютъ два труда—„До человѣка“ и „Цивилизація и дикія племена“. По мнѣнію, на примѣръ, профессора Н. И. Карѣва, нѣкоторыя главы послѣдней работы, посвященныя соціальной жизни животныхъ имѣютъ „большую важность въ общей разработкѣ этого предмета“. ²⁾

Лавровъ, по утверженію Карѣва, „высказалъ по этому поводу гораздо болѣе вѣрныя и глубокія мысли, нежели тѣ, которыя около того же времени были высказаны Вундтомъ въ „Лекціяхъ о душѣ человѣка и животныхъ“. ³⁾

¹⁾ М. М. Стасюлевичъ а его современники С.П.Б. 1912 г. т. II, стр. 293.

²⁾ Теорія личности П. Л. Лаврова 1907 г. С.П.Б. стр. 37—38.

³⁾ Научная работа П. Л. Лаврова «Сѣверныя записки» 1915 г. № 1, стр. 207.

Большой слѣдъ оставила въ развитіи философіи въ Россіи и другая работа Лаврова—„Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе“, относящаяся также ко времени его ссылки въ Вологодской губерніи. По мнѣнію одного изъ критиковъ русскаго позитивизма, эта статья „дала тонъ всей послѣдующей русской позитивистической литературѣ“.¹⁾

Громадный, неизгладимый слѣдъ въ нашей общественности оставили „Историческія Письма“ и отчасти „Современныя ученія о нравственности“. Первый трудъ Лаврова, начатый имъ еще въ Тотмѣ и законченный въ Кадниковѣ, представляетъ собой литературно-историческій памятникъ, обойти который не можетъ ни одинъ историкъ нашей литературы и общественности. Цѣлая поколѣнія молодежи 70 г.г. зачитывались „Историческими письмами“ и именно черезъ нихъ и свершился *переломъ* русской интеллигенціи отъ 60-хъ г. къ 70-мъ въ сторону „служенія народу“.²⁾

Лавровъ, какъ бы увѣковѣчилъ ими небольшой городокъ Кадниковъ. Просмотрите предисловіе автора къ первому изданію „Историческихъ писемъ“ и подъ нимъ вы найдете вмѣсто подписи краснорѣчивую помѣтку— „Кадниковъ 1869 г.“.

Если сравнить литературную дѣятельность Лаврова въ Вологодской губерніи съ періодомъ его работы до ссылки, то мы замѣтимъ здѣсь большую разницу. Раньше Лавровъ работалъ *только* въ области чистой философіи и далъ еще въ началѣ 60 г. основаніе для построенія *научной* философіи. Въ ссылкѣ же Лавровъ уже бросаетъ занятіе чистой философіей и съ этой стороны онъ гибнетъ безвозвратно... А между тѣмъ, философія и была единственнымъ его призваніемъ, отвѣчающимъ всему складу его духовнаго и психологическаго облика. Условія ссылки, да и сама ссылка вывели его изъ колеи философа. Онъ начинаетъ работать въ области исторіи, социологіи и исторіи культуры. Не мало посвящаетъ онъ вниманія и антропологіи, при чемъ и въ этой области онъ уже отъ чисто философскаго характера, который онъ придавалъ раньше этому предмету³⁾, начинаетъ переходить къ специальной трактовкѣ этой области. Тутъ же въ ссылкѣ въ Вологодской губерніи у него зародился грандіозный планъ дать историческую эволюцію человѣческой мысли и первымъ общимъ абрисомъ этой идеи и является его статья— „Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли“. Какъ извѣстно, Лавровъ впослѣдствіи всю свою жизнь посвятилъ разработкѣ этой темѣ и сошелъ въ могилу, не закончивъ своего монументальнаго труда „Опытъ исторіи мысли“. Такимъ образомъ, если разсматривать ссылку Лаврова по отношенію къ эволюціи его литературной дѣятельности, то мы должны будемъ признать, что невольное пребываніе

¹⁾ В. К. Позитивизмъ въ русской литературѣ „Русское Богатство“ 1889 г. № 3, стр. 15.

²⁾ Тѣхъ, кто интересуется болѣе подробно значеніемъ „Историческихъ писемъ“ и работой Лаврова о нравственности, я отсылаю къ своей статьѣ „Чѣмъ обязана русская общественность П. Л. Лаврову“. „Ежемѣсячный журналъ“ № 2 и 3. **за 1915 г.**

³⁾ Смогри его статью, что такое антропология? „Русское Слово“ 1860 г. № 10.

Лаврова въ Вологодской губерніи есть *поворотный пунктъ* и въ развитіи его теоретической мысли и въ характерѣ всей его литературной работы. Болѣе того, ссылка Лаврова есть даже полный переворотъ въ его личной жизни и, весь тотъ планъ своей дѣятельности, а именно—занятіе чистой философией, къ которому онъ готовилъ себя въ 60 г., ему пришлось отбросить. Отъ теоретической философіи въ 60 годы онъ черезъ ссылку въ Вологодской губерніи совершаетъ переломъ въ своей жизни и идетъ къ 70 годамъ черезъ социологію и исторію и приходитъ въ концѣ концовъ къ социализму съ его жизненной практикой уже въ періодъ эмиграціи. Дѣятельность эта и началась съ 1872—73 г., когда ему пришлось стать редакторомъ заграничнаго журнала: „Впередь!“.

Статья Лаврова „Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губерніи“ была имъ написана во время его кратковременнаго пребыванія въ г. Вологдѣ, въ октябрѣ 1868 г. Это былъ какъ разъ періодъ, въ который онъ усиленно началъ заниматься антропологіей, подготавливая для тогдашнихъ русскихъ журналовъ рядъ работъ изъ этой области. Съ характеромъ этихъ трудовъ мы ознакомимся ниже, здѣсь же надо замѣтить, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Лавровъ посвятилъ статью специально Вологодской губерніи. Это былъ лишь частичный вопросъ изъ той области, которую онъ тогда изучалъ и разсмотрѣть Вологодскую губернію съ точки зрѣнія антрополога для него безусловно представляло живой интересъ. Къ этому надо еще присовокупить, что большинство ссыльныхъ всегда интересовалось тѣмъ краемъ, куда ихъ забрасывала судьба и старалось такъ или иначе хоть чѣмъ-нибудь послужить мѣстнымъ интересамъ или запросамъ: характерно, напримѣръ, что лучшіе знатоки и изслѣдователи Сибири вышли изъ рядовъ ссыльныхъ... Лавровъ, конечно, не составлялъ въ данномъ случаѣ исключенія и постарался со своей стороны дать что-нибудь Вологодской губерніи въ той области, въ которой онъ чувствовалъ себя компетентнымъ. Этой областью и явилась антропологія... Необходимо здѣсь еще замѣтить, что появленію статьи Лаврова въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ очень много *посодѣйствовалъ* и Н. Кедровскій, который тогда состоялъ редакторомъ неофициальной части этой газеты. Находясь въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Лавровымъ и глубоко уважая его научную работу, Кедровскій сумѣлъ черезъ посредство Тишина получить разрѣшеніе отъ Хоминскаго на печатаніе этой статьи. Характерно отмѣтить, что она была *напечатана* за полной подписью Лаврова, въ то время когда всѣ его статьи въ ^{столичныхъ} журналахъ появлялись безъ всякой подписи или подъ различными инициалами или псевдонимами, въ родѣ Миртова. Повидимому, то, что требовалось для Петербурга, Хоминскій считалъ излишнимъ примѣнять у себя въ губерніи. Къ сожалѣнію, дѣятельность Мерклина и его доносы на Лаврова лишили послѣдняго возможности продолжать работу въ „Вологодскихъ Вѣдомостяхъ“. Его выслали въ Кадниковъ, а Хоминокій все-таки долженъ былъ считаться съ Мерклинымъ...

Изъ Вологодской губерніи Лавровъ бѣжалъ 15 февраля 1870 г. въ Парижъ при содѣйствіи извѣстнаго въ то время революціонера Германа Александровича Лопатина. Подробности этого побѣга читатели найдутъ въ воспоминаніяхъ М. П. Негрескулъ и Г. А. Лопатина. Насъ интересуеъ здѣсь другое обстоятельство—чѣмъ руководился Лавровъ, рѣшаясь на побѣгъ изъ Вологодской губерніи? Какіе мотивы заставили его рѣшиться на этотъ шагъ? Большинство читающей публики склонно думать, что Лавровъ бѣжалъ исключительно ради революціонной и социалистической дѣятельности за-границей. Подобное мнѣніе совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ. Имѣющійся у меня матеріалъ заставляетъ отбросить эту версію. Стремясь за границу и убѣгая изъ ссылки, Лавровъ и не думалъ о социалистической дѣятельности. О революціонной даже и говорить не приходится. Стараясь вырваться изъ Вологодской губерніи, Лавровъ прежде всего имѣлъ въ виду свою научную работу и надѣялся за-границей найти болѣе благопріятныя для нея условія, нежели въ ссылкѣ. Какъ извѣстно, ссылка Лаврова не была ограничена срокомъ и перспектива сидѣть безконечное время въ глухомъ краѣ, будучи лишеннымъ условій для научной работы, ему, конечно, не улыбалась. Ближайшимъ поводомъ къ тому, что Лавровъ рѣшилъ самовольно покинуть Вологодскую губернію было несомнѣнно бѣгство за границу Чаплицкой. Это—былъ человѣкъ, къ которому Лавровъ глубоко привязался и котораго онъ беззавѣтно любилъ. Рѣшеніе о побѣгѣ окончательно созрѣло у Лаврова, повидимому, на квартирѣ Кедровскаго во время свиданій его съ Чаплицкой. Доказать все сказанное крайне не трудно.

Изъ воспоминаній дочери Лаврова—М. П. Негрескулъ—мы узнаемъ, что ея отецъ, отправляясь въ ссылку, „рѣшилъ терпѣливо ждать три года. Если по окончаніи этого срока его не вернуть въ Петербургъ, что ему было необходимо для *научныхъ работъ*, онъ уѣдетъ за границу“. И такъ, мы видимъ, что здѣсь на первомъ планѣ стояла научная работа. И дѣйствительно, Лавровъ, въ первые годы своей ссылки въ Вологодской губерніи еще надѣялся что его „вернуть“ оттуда. Это онъ и высказывалъ Кедровскому и Сажину. Прошло два года и его не только не „вернули“, а сослали въ Кадниковъ изъ Вологды. Все это должно было подорвать его вѣру въ то, что его „вернетъ“ само правительство. И въ слѣдующемъ 1869 г. онъ уже рѣшаетъ бѣжать послѣ встрѣчъ съ Чаплицкой, наканунѣ ея бѣгства. Указаніе на это мы находимъ въ воспоминаніяхъ Лопатина. Приѣхавъ въ началѣ 1870 г. въ Петербургъ, онъ „узналъ, что П. Лавровъ страшно рвется изъ ссылки за-границу. Оказывается, что уже *цѣлый годъ*, какъ Лавровъ собирается бѣжать, но не можетъ осуществить это предпріятіе“. О томъ же намъ свидѣтельствуютъ и воспоминанія Сажина. „При посѣщеніи мною,—рассказываетъ онъ—Лаврова въ 1870 г. въ Парижѣ, Петръ Лавровичъ вмѣстѣ съ Чаплицкой, начали шутя, упрекать меня, что я своимъ побѣгомъ подложилъ имъ „свинью“. „Какъ такъ?“—вырвалось у меня. „Очень просто,—разъяснилъ Лавровъ,—я также соби-

рался въ это время бѣжать ¹⁾ и у меня было все къ этому приготовлено. Вы же своимъ бѣгствомъ вытянули Мерклина изъ Тотмы. Вернувшись въ Вологду, онъ прежде всего окружилъ меня своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Во первыхъ, Кадниковъ ближе всего къ Вологдѣ, а во вторыхъ Мерклинъ вообще, какъ вамъ извѣстно, имѣлъ со мной счеты, донося обо мнѣ въ Петербургъ всякія небылицы. Въ силу этого, мнѣ пришлось отказаться отъ побѣга, который и затянулся на цѣлый годъ“.

И такъ, Лавровъ рѣшилъ бѣжать въ 1869 г. Это былъ какъ разъ тотъ годъ, когда бѣжала Чаплицкая. Ея побѣгъ съ одной стороны, придирки къ нему со стороны Мерклина и высылка его въ Кадниковъ съ другой, вотъ что было ближайшимъ толчкомъ къ побѣгу. Лавровъ увидѣлъ, что до тѣхъ поръ, пока его „опекаетъ“ г. Мерклинъ, ему нечего ждать ~~Х~~ возможности „возвращенія“ изъ ссылки... Конечная же цѣль для побѣга была несомнѣнно научная работа.

Какъ извѣстно, Лавровъ приобрѣлъ и популярность и имя среди молодежи, настроенной социалистически, своими „Историческими письмами“. Именно, благодаря ихъ успѣху, и опредѣлилась вся дальнѣйшая судьба и жизнь Лаврова. Ему послѣ этого предложили редакцію заграничнаго журнала „Впередъ“, и онъ вмѣсто науки занялся социализмомъ. Получивъ это предложеніе, онъ покидаетъ Парижъ, гдѣ онъ работалъ вмѣстѣ съ Брока въ области антропологии, и ѣдетъ въ Цюрихъ ради новаго журнала... Успѣхъ „Историческихъ писемъ“ явился полной неожиданностью для самого Лаврова. Во всякомъ случаѣ, когда онъ ихъ писалъ, онъ и не мечталъ о томъ, что произошло въ дѣйствительности. Въ предисловіи къ „Историческимъ письмамъ“, написанномъ для второго парижскаго изданія, Лавровъ подчеркиваетъ, что этой книгѣ „удалось, совершенно неожиданно для автора, получить нѣкоторое значеніе въ кругу русской молодежи.“ ²⁾ О томъ, какъ Лавровъ смотрѣлъ на эту свою работу въ 1868 г., намъ краснорѣчиво говорятъ воспоминанія Сажина. Какъ то на вечерѣ у Лаврова, еще въ бытность его въ г. Вологдѣ, этотъ послѣдній сталъ спрашивать Сажина, чѣмъ онъ интересуется и что читаетъ. „Я между прочимъ, рассказываетъ Сажинъ—указалъ ему на „Историческія письма“, первыя главы которыхъ, напечатанныя въ журналѣ „Недѣля“, мнѣ очень понравились. „Ну,—возразилъ мнѣ съ гримасой Лавровъ,—нашли на что указывать. Вѣдь это не серьезная работа, а фельетоны, которые я пишу во время отдыха. По моему они не имѣютъ никакого значенія, чтобы на нихъ останавливаться или обращать вниманіе“.

Въ 1869 г., когда Лавровъ рѣшилъ бѣжать изъ Вологодской губерніи, успѣхъ „Историческихъ писемъ“ совсѣмъ не опредѣлился. Они еще писались имъ и печатались въ „Недѣль“. Значеніе ихъ выяснилось окончательно лишь въ 1870 г.—1871 г. послѣ ихъ отдѣльнаго изданія. Такимъ

1) Сажинъ бѣжалъ изъ Вологодской губерніи въ іюнь мѣсяцѣ 1869 г.

2) Историческія письма С.П.Б. 1906 г. 4 изданіе стр. 375.

образомъ, бѣжать ради социалистической дѣятельности за-границу Лавровъ не могъ, ибо у него не было никакихъ поводовъ мечтать объ этой дѣятельности и дѣлать изъ нея цѣль своей жизни. Къ этой дѣятельности Лавровъ пришелъ значительно позже, когда опредѣлился окончательно успѣхъ его „Историческихъ писемъ“ и когда онъ соприкоснулся за-границей съ „Интернаціоналомъ“ и К. Марксомъ... Остается предположить, что Лавровъ, совершая побѣгъ изъ Вологодской губерніи за-границу, имѣлъ въ виду только научную дѣятельность. Достаточно прочесть воспоминанія Сажина, чтобы убѣдиться въ этомъ. Фактовъ для подтвержденія этого здѣсь очень много и я приведу только нѣсколько. Въ 1870 г., въ Парижѣ, Сажинъ при встрѣчѣ съ Лавровымъ выразилъ ему радость по поводу отдѣльнаго изданія „Историческихъ писемъ“. „Лавровъ,—вспоминаетъ Сажинъ,—съ недвольнымъ выраженіемъ въ лицѣ отвѣтилъ: „знаете, это не совѣмъ хорошо. „Историческія письма“ могутъ подорвать мою репутацію, *какъ ученаю*“. Итакъ, мы видимъ, что въ первый годъ своей жизни за-границей Лавровъ прежде всего заботился о своей научной дѣятельности, а отнюдь не о социализмѣ. Характеренъ еще и другой фактъ. Сажинъ пріѣхалъ къ Лаврову съ предложеніемъ работать въ предполагавшемся тогда заграничномъ журналѣ совмѣстно съ Бакунинымъ. Лавровъ категорически отказался отъ этого. „Принять участіе я ни въ какомъ случаѣ не могу,—говорилъ Петръ Лавровичъ.—Во первыхъ, я не сжегъ окончательно всѣхъ своихъ кораблей, и у меня есть еще надежда вернуться въ Россію. Русское правительство рано или поздно убѣдится въ моей невиновности и вернетъ меня на родину. Во вторыхъ, мои взгляды совершенно расходятся съ Бакунинымъ“. Объяснить эти слова Лаврова можно только принявъ во вниманіе, что онъ бѣжалъ изъ ссылки за-границу только ради научной дѣятельности. На свое бѣгство Лавровъ, повидимому, смотрѣлъ, какъ на вынужденный шагъ подъ вліяніемъ правительства, которое ради науки заставляетъ его покидать Россію. Надо полагать, что Лавровъ первое время за-границей и мечталъ только о научныхъ занятіяхъ и не терялъ надежды, что русское правительство, увидѣвъ характеръ его дѣятельности за-границей, „вернетъ“ его на родину.

Изъ всего сказаннаго ясно, что заставило Лаврова бѣжать изъ Вологодской губерніи. Это было страстное желаніе посвятить себя ученой дѣятельности, къ которой властно тянуло Лаврова по всему складу его ума и всей его духовной организаціи. Къ сожалѣнію, расчеты Лаврова не оправдались и онъ вмѣсто чисто научной дѣятельности отдался за-границей вопросамъ теоріи и практики социализма. Рѣшаясь на побѣгъ изъ ссылки, и затѣмъ на эмиграцію ради *научной* работы, Лавровъ оказался очень плохимъ практикомъ въ жизненныхъ вопросахъ. Ему было бы гораздо выгоднѣе для этого перевестись изъ Вологодской губерніи куда нибудь въ болѣе южное мѣсто, какъ это сдѣлали Берви и Шелгуновъ, и затѣмъ постепенно легализироваться, добываясь разрѣшенія жить въ Петербургѣ. Бѣгство же за-границу только затруднило и осложнило его сотрудничество

въ русскихъ журналахъ и отнюдь не создало ему болѣе благоприятныхъ условій для научной дѣятельности... Воспоминанія Сажина и даютъ замѣчательно яркую картину того, какъ Лавровъ постепенно эволюционировалъ за границей отъ неосуществимой мечты посвятить себя наукѣ въ сторону социалистической дѣятельности.

Стремясь къ научной дѣятельности, Лавровъ за-границей сходитя съ извѣстнымъ антропологомъ Брока¹⁾ и первое время посвящаетъ себя антропологии, какъ бы продолжая занятія въ этой области, начатыя имъ еще въ Вологодской губерніи. Въ 1870 г. онъ избирается членомъ Парижскаго Антропологическаго общества. Въ 1872 г. Лавровъ былъ приглашенъ Брока въ составъ редакціи, возникшаго тогда въ Парижѣ изданія „Revue d'anthropologie“, въ которомъ онъ дѣятельно работаетъ въ теченіи цѣлаго года до своего отъезда въ Цюрихъ въ 1873 г. для руководства журналомъ „Впередъ“: Въ томъ же 1872 г. Лавровъ выступилъ въ парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ съ интереснымъ рефератомъ—„L'idée du progrès d'anthropologie“, который въ 1873 г. былъ напечатанъ отдѣльной брошюрой. Таковъ вкратцѣ характеръ дѣятельности Лаврова по антропологии за границей. Обратимся теперь къ тому наслѣдству, которое оставилъ Лавровъ по антропологии въ русской литературѣ.

Передъ тѣмъ, какъ произвести оцѣнку этой дѣятельности, будетъ не безынтересно отвѣтить на вопросъ—почему Лавровъ занялся антропологіей? Объясняется это исключительно философскимъ міровоззрѣніемъ Лаврова, построенномъ на человѣческой личности и названномъ имъ *антропологизмомъ*: То обстоятельство, что въ центрѣ философіи Лаврова оказался „человѣкъ“, объясняется двумя условіями. Во-первыхъ, здѣсь сказалося вліяніе западной философіи, которая тогда переживала грандіозный крахъ въ исканіяхъ „сущностей“, лежащихъ внѣ человѣка. Это и заставило Лаврова бросить „сущности“ (какъ вещество, идею, Богъ, Безусловное и т. д.) и заняться человѣкомъ, какъ *единственнымъ* фундаментомъ философіи. Во-вторыхъ, историческія условія, русской жизни, гдѣ личность человѣка подавлялась на каждомъ шагу, вызвали вполне законную *реакцію* къ свободной человѣческой личности. Къ этому еще надо присовокупить отмѣну крѣпостного права, которая была въ сущности раскрѣпощеніемъ личности. Очень характерно, напримѣръ, что въ то время, когда Лавровъ создавалъ въ 60-хъ годахъ свой антропологизмъ, К. Д. Ушинскій писалъ свою знаменитую „педагогическую антропологию“ и сдѣлалъ человѣка

¹⁾ Поль Брока—одинъ изъ членовъ-основателей Парижскаго антропологическаго общества. Въ теченіе многихъ лѣтъ сряду онъ состоялъ секретаремъ названнаго общества, являясь главнымъ руководителемъ всей его дѣятельности. Брока считается однимъ изъ самыхъ выдающихся антропологовъ. Своими инструкціями для антропологическихъ изслѣдованій онъ положилъ начало всей современной намъ антропологии. «Въ области анатомической антропологии какъ содержаніе, такъ и приемы нашей науки были установлены». Брока, недавно заявилъ въ своей рѣчи Э. К. Волковъ при избраніи его председателемъ «Русскаго Антроп. Общества при Петр. Университетѣ». Ежегодникъ общества т. IV за 1913 г.

„предметомъ воспитанія“. Какъ видно, здѣсь вліяли однѣ и тѣ же условія. И Михайловскій, выступившій вслѣдъ за Лавровымъ, не избѣгъ властнаго вліянія этихъ условій и вся его социологія также построена на человѣческой личности, что особенно ярко сказалось въ его теоріи: „Борьбы за индивидуальность“.

Сущность антропологизма сводилась къ тому, что Лавровъ въ основаніе своей философской системы „ставитъ цѣльную человѣческую личность, или физико-психическую особь, какъ неоспоримую данную“¹⁾ „Человѣкъ, въ его реальномъ единствѣ,—пишетъ онъ, въ другомъ мѣстѣ,—какъ ощущающій и дѣйствующій, какъ желающій и познающій, есть *догматическій принципъ*, который служитъ *центромъ* философской системѣ“²⁾. Этой философіи Лавровъ остался вѣренъ до самой смерти и въ своей автобіографіи онъ опять подчеркиваетъ, что для него „основною *точкою исхода* философскаго настроенія является *человѣкъ*, провѣряющій себя теоретически и практически и развивающійся въ общежитіи“³⁾. Этимъ философскимъ антропологизмомъ, который составляетъ сущность міровоззрѣнія Лаврова и объясняется его интересъ къ антропологіи. Ставя въ основу своего міросозерцанія человѣческую личность, Лавровъ, вполнѣ естественно, долженъ былъ интересоваться наукой о человѣкѣ, которой и является антропологія въ широкомъ смыслѣ слова.

И дѣйствительно, мы видимъ, что первая статья, имѣющая отношеніе къ антропологіи, написана Лавровымъ въ 1860 г. Это былъ періодъ, когда онъ занимался исключительно чистой философіей, что безусловно и отразилось на характерѣ самой статьи. Хотя она и носитъ названіе—„Что такое антропологія?“, но тѣмъ не менѣе въ ней отнюдь не разсматривается антропологія, какъ самодовлѣющая и самостоятельная научная дисциплина. На нее онъ смотритъ глазами философа и стремится разрѣшить только одинъ вопросъ—„что философія можетъ сдѣлать съ фактами антропологіи, при современномъ ихъ состояніи“⁴⁾. Результатомъ такого заданія и явилось въ этой статьѣ первое построеніе Лавровымъ своей философской системы, названной имъ антропологизмомъ. По его признанію, онъ здѣсь предлагалъ читателямъ „лишь пробу антропологическаго построенія философіи, какъ цѣльной системы“⁵⁾. Въ силу такого чисто философскаго отношенія къ антропологіи, Лавровъ смотрѣлъ на нее, какъ „на науку всѣхъ наукъ“... „Вся наука въ цѣломъ своемъ составѣ размѣщается по различнымъ отдѣламъ антропологіи“⁶⁾ — писалъ онъ. Изъ вопросовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ антропологіи, Лавровымъ былъ затронутъ только

1) Антропологическая точка зрѣнія: въ философіи. „Энциклоп. Словарь 1862 г.“ т. V, стр. 7.

2) Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. СПб.: 1906 г. стр. 63.

3) П. Л. Лавровъ о самомъ себѣ. „Вѣстн. Европы“ за 1910 г. № 11, стр. 85.

4) Что такое антропологія? „Русское Слово“ за 1860 г. № 10, стр. 55.

5) Ibidem стр. 76.

6) Ibidem стр. 63.

одинъ—должна-ли антропологія ограничиваться человѣкомъ, только какъ чисто физиологической особью, или она должна принимать во вниманіе и его психологическую организацію? Остановливаясь на трудахъ—И. Г. Фихте „Антропологія какъ ученіе о человѣческой душѣ“ и Т. Вайцъ „Антропологія народовъ, находящихся въ естественномъ состояніи“, Лавровъ противопоставляетъ ихъ какъ двѣ крайности. Первый, рассматривая человѣка, весь вопросъ сводитъ только къ душѣ, т. е. къ психологіи; второй видитъ въ человѣкѣ только животное въ разрядѣ зоологическаго вида, т. е. учитываетъ главнымъ образомъ его физиологическое строеніе. Лавровъ, исходя изъ неотдѣлимости при научныхъ опытахъ явленій психическихъ отъ физиологическихъ, находитъ необходимымъ включать человѣка въ антропологію, какъ физико-психическую особь въ ея нераздѣльности.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ „Антропологическіе этюды“ Лаврова. Написаны они имъ были въ г. Тотмѣ, во время ссылки въ Вологодской губерніи. Это былъ періодъ, когда философская дѣятельность Лаврова оборвалась. Последнее обстоятельство заставило Лаврова подойти къ антропологіи вплотную. Въ первомъ этюдѣ Лавровъ уже стремится опредѣлить „антропологію, какъ науку“, т. е. „раціонально установить предѣлы этой науки, ея подраздѣленія и ея отношенія къ окружающимъ областямъ знанія“¹⁾. Другими словами, онъ смотритъ теперь на антропологію „съ точки зрѣнія раціональной систематики“²⁾. Свой прежній философскій взглядъ на антропологію какъ „науку всѣхъ наукъ“ онъ находитъ для данной задачи бесполезной. „Эта философская точка зрѣнія,—пишетъ онъ,—уясняетъ лишь отношеніе всего познаваемаго къ человѣку, а для систематики наукъ она бесполезна. Точно также неудобно было-бы и обозначеніе словомъ антропологія всѣхъ наукъ, имѣющихъ предметомъ человѣка въ его особенностяхи“³⁾. Приступая къ своей задачѣ, Лавровъ подчеркиваетъ, что антропологія, какъ наука, находилась тогда въ зачаточномъ состояніи. „Антропологія, какъ наука, не создана,—говоритъ онъ,—но создается; ея задачи далеко, далеко не рѣшены, но онѣ *опредѣляются*; ея объемъ и ея подраздѣленія еще не установлены, но мало-по-малу *уясняются*“.⁴⁾

Прежде всего, Лавровъ намѣчаетъ подраздѣленіе для *общей антропологіи*. Рассматривая человѣка, какъ зоологическую особь, и желая отдѣлитель ее отъ другихъ животныхъ, и стремясь затѣмъ учесть вліяніе природы на человѣка и его независимость отъ нея, Лавровъ намѣчаетъ для этой области три отдѣла: 1) физиологія мысли; 2) мѣсто человѣка въ природѣ и 3) дѣйствіе среды на человѣка. Затѣмъ Лавровъ переходитъ ко второй области этого предмета, устанавливая *сравнительную антропологію*. Эта часть антропологіи возникаетъ, если мы будемъ смотрѣть на людей,

¹⁾ Антропологическіе этюды „Современное Обозрѣніе“ за 1868 годъ № 6, стр. 478—479.

²⁾ Ibidem стр. 477.

³⁾ Ibidem стр. 478.

⁴⁾ Ibidem стр. 474.

какъ на зоологическую группу и искать уже въ ней самой различій. Изслѣдывая вліяніе на человѣка чисто *внѣшнихъ* условій, напримѣръ, географическихъ, мы получаемъ раздѣленіе, называемое *расами*, наука о которыхъ именуется *этнологіей*. Разсматривая жизнь людей въ ея историческомъ процессѣ и учитывая вліяніе *внутреннихъ* условій (напримѣръ, политику, эстетику, литературу и т. д.) мы получаемъ *національности*, для изслѣдованія которыхъ необходима наука *психологіи народовъ*. Обращая, наконецъ, вниманіе на то обстоятельство, что цивилизація сближаетъ національности и создаетъ типъ людей, одинаковый всѣмъ націямъ по своему складу (напр., типъ ученаго, пролетарія, буржуа и т. д.), мы получаемъ новую область для научнаго изслѣдованія—*типологію личностей*. „Можно замѣтить,—пишетъ Лавровъ,—въ нѣсколькихъ особяхъ разныхъ національностей общіе приемы мысли, общія физиологическія и психологическія особенности, которыя, переходя чрезъ грани народностей (а можетъ быть и расъ), сближаютъ эти личности въ особенныя группы... Если-бы мы опредѣлили физическія и психологическія особенности *группъ одною типомъ*, то мы бы могли получить еще классификацію личностей человѣческаго рода *по типамъ* ¹⁾. Въ данномъ случаѣ, Лавровъ очень удачно пользуется работами нашего соотечественника Э. Вешнякова. Такимъ образомъ Лавровъ дѣлитъ сравнительную антропологию на три отдѣла: 1) этнологию; 2) психологию народовъ и 3) типологию личностей. Наконецъ, третій отдѣлъ антропологии есть *антропология историческая*, изслѣдующая доисторическую жизнь народовъ. „Дѣло исторической антропологии—говоритъ Лавровъ,—возсоздать по возможности тотъ періодъ жизни народовъ, который предшествовалъ ихъ исторической жизни” ²⁾. Матеріалъ для этой области антропологии доставляется съ трехъ сторонъ. Во первыхъ, естественныиспытатель доставляетъ ей *палеонтологическій матеріалъ* остатковъ человѣка и современныхъ ему животныхъ. Во вторыхъ, археологъ доставляетъ ей *археологическій матеріалъ* древней культуры и опредѣляетъ его древность. Въ третьихъ, лингвистъ доставляетъ ей *психологическій матеріалъ* въ словѣ языка, въ пословицѣ, въ пѣснѣ, въ сказаніи, въ мѣѣ и т. п. И такъ, историческая антропология подраздѣляется также на три отдѣла: 1) палеонтологическій матеріалъ; 2) археологическій матеріалъ и 3) психологическій матеріалъ.

Подводя итоги сказанному, мы видимъ, что антропология, какъ наука, была построена Лавровымъ по слѣдующей схемѣ:

Антропология:	{	Общая . . .	{	Физиология мысли.
				Мѣсто человѣка въ природѣ.
				Дѣйствіе среды на человѣка.
		Сравнительная	{	Этнологія.
				Психология народовъ.
				Типология личностей.

¹⁾ Ibidem стр. 482.

²⁾ Ibidem стр. 485.

Антропология:	{ Историческая	{ Палеонтологическій матеріалъ.
		{ Археологическій »
		{ Психологическій »

Настоящій этюдъ Лаврова, относящійся къ 1868 г., можетъ считаться однимъ изъ самыхъ лучшихъ въ тогдашней русской литературѣ. Посвященный теоріи антропологии или ея *методологии*, онъ даже и сейчасъ обращаетъ на себя вниманіе по ясной и точной постановкѣ основныхъ задачъ, стоящихъ предъ антропологіей, какъ научной системой.

Второй этюдъ, носящій названіе «Развитіе антропологии» ¹⁾, даетъ краткій очеркъ возникновенія или образованія антропологии. Въ русской литературѣ того времени это была *единственная* работа, посвященная исторіи антропологии, какъ науки. По громадной эрудиціи, обнаруженной Лавровымъ, и по умѣнью схватить сущность эволюціи трактуемаго имъ предмета, этотъ этюдъ можетъ считаться очень цѣннымъ въ литературѣ этого вопроса. Даже до настоящаго времени онъ не утратилъ интереса и извѣстнаго значенія для интересующихся этой областью. Въ общемъ, надо признать, что изъ всѣхъ статей Лаврова по антропологии—его «Антропологическіе этюды» являются наиболѣе цѣнными и интересными работами въ этой области.

Другой трудъ Лаврова—„Антропологи въ Европѣ и ихъ современное значеніе“ преслѣдуетъ цѣль ознакомить русскую читающую публику съ *современнымъ* положеніемъ антропологии въ Европѣ. Здѣсь Лавровымъ подробно и обстоятельно излагается исторія и дѣятельность парижскаго и лондонскаго антропологическихкихъ обществъ. Характеризуются издаваемые ими журналы. Много говорится о главныхъ руководителяхъ названныхъ обществъ—Брока и Гэнтѣ. Удѣляется также мѣсто развитію антропологии и въ Германіи. Одновременно съ организационной дѣятельностью разныхъ обществъ и съѣздовъ, Лавровъ довольно подробно излагаетъ сущность всѣхъ научныхъ вопросовъ и споровъ, возникающихъ въ ихъ дѣятельности. Словомъ, названная статья преслѣдовала чисто информационныя цѣли. Интересно только здѣсь отмѣтить то значеніе, какое придавалъ Лавровъ антропологии. Первая ея заслуга въ томъ, что она «явилась весьма полезнымъ органомъ сближенія специальныхъ отраслей занятій, раздробившихся до чрезвычайности въ послѣдній періодъ развитія науки». ²⁾ Помимо этого Лавровъ еще видѣлъ въ антропологии побудительный толчокъ къ *активной* дѣятельности. Этотъ взглядъ возникъ у Лаврова несомнѣнно подъ влияніемъ тогдашнихъ историческихъ условій русской жизни. «Въ антропологии,—пишетъ онъ,—человѣкъ одновременно черпаетъ сознаніе своей тѣсной связи съ природою, своей зависимости отъ нея, и сознаніе того, насколько онъ *могъ* развиться изъ своего первобытнаго состоянія; слѣдовательно, на-

¹⁾ Антропологическіе этюды „Соврем. Обзорѣніе“ за 1868 г. № 3 стр. 486.

²⁾ Антропологи въ Европѣ и ихъ современное значеніе „Отечеств. Записки“ за 1869 г. № 3 стр. 47.

сколько онъ *еще может* развиться въ будущемъ. Есть жалкіе представители нашей породы, которые говорятъ: надо подчиниться обстоятельствамъ, жить какъ другіе, придерживаться существующаго, потому что *невозможно* достичь лучшаго; нечего стремиться къ утопіи. Имъ можно указать на кости древняго людоѣда и отвѣтить: если бы ни одинъ пещерный человѣкъ не боролся за улучшение своего быта, настоящее человѣчество не было бы тѣмъ, что оно есть. Если изъ *этого* человѣкъ *может* дойти до нынѣшняго состоянія, то имѣемъ ли мы право считать какую либо высшую степень *невозможностью* для человѣческаго развитія? ¹⁾

Слѣдующая работа Лаврова «Обзоръ иностранной антропологической литературы» является какъ бы продолженіемъ предыдущей. Въ ней Лавровъ знакомитъ читателей со всѣми отраслями антропологической литературы, какая только имѣлась въ то время за-границей, при чемъ онъ обнаруживаетъ громадную освѣдомленность и поразительную эрудицію въ литературѣ этого вопроса. Имъ здѣсь характеризуется въ главныхъ чертахъ масса книгъ и статей на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Приводится перечень трудовъ исторической антропологии по всѣмъ отдѣльнымъ странамъ: Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Греціи, Португаліи и т. д. Характеризуется также положеніе зоологической антропологии и этнологіи въ тогдашней литературѣ. Дается указатель всѣхъ повременныхъ заграничныхъ антропологическихъ изданій. Между прочимъ, касаясь сравнительной антропологии, Лавровъ указываетъ на плачевное состояніе психологіи народовъ, въ силу чего крайне затрудняется задача для установленія *типовъ національностей*. По мнѣнію его, тогдашніе антропологи нѣсколько игнорировали психологическій матеріалъ и «неохотно допускали въ свою среду эти мало привычныя имъ изслѣдованія» ²⁾. «Надо,—пишетъ онъ дальше,—чтобы психологическій матеріалъ до-историческаго періода не заимствовался *случайно* изъ трудовъ лингвистовъ и миеологовъ, но собирался и обрабатывался *систематически* для антропологическихъ цѣлей съ яснымъ сознаніемъ этихъ цѣлей» ³⁾. Въ этой же статьѣ Лавровъ касается отношенія антропологии къ гуманитарнымъ наукамъ, подчеркивая ея громадное значеніе для этой области. «Соціологія,—говоритъ Лавровъ,—не можетъ слѣлать шагу, не беря въ соображеніе измѣняющее вліяніе среды на человѣка, различную культуру расъ и народностей, не руководствуясь данными о первобытномъ состояніи человѣческаго общества. Исторія только въ антропологическихъ розысканіяхъ находитъ рациональное начало и лишь въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ психологіи народовъ черпаетъ матеріалъ для уясненія замѣчательнаго процесса образованія, перерожденія и распаденія національностей» ⁴⁾. Все это заставляетъ Лаврова предполагать, что антро-

¹⁾ Ibidem стр. 43.

²⁾ Обзоръ иностранной антропологической литературы „Библиографъ“ за 1869 г. № 1 стр. 45.

³⁾ Ibidem стр. 48.

⁴⁾ Ibidem стр. 22.

пологія „въ недалекомъ будущемъ войдетъ въ систему не только университетскаго, но и общаго образованія». ¹⁾ Мы видимъ, что надежды Лаврова не оправдались и антропологія даже въ наше время не имѣетъ своей спеціальной каѳедры. «До сихъ поръ,—писаль въ 1869 г. Лавровъ,—антропологія не составила предмета особой каѳедры, и потому желающіе познакомиться съ этою наукою должны сами обращаться къ ея литературѣ, чтобы почерпнуть изъ книгъ то, чему нельзя научиться въ школахъ». Эти слова Лаврова, написанныя имъ около полустолѣтія назадъ, довольно ярко характеризуютъ и настоящее положеніе антропологіи: въ особенности это относится къ Россіи...

Всѣ перечисленныя нами статьи Лаврова написаны имъ въ Вологодской губерніи и мы должны отмѣтить, что періодъ его ссылки былъ наиболѣе продуктивнымъ въ смыслѣ работъ и занятій по антропологіи. За-границей его дѣятельность въ этой области обрывается съ 1873 г., когда онъ переѣхалъ въ Цюрихъ для редактированія журнала „Впередъ“. Съ этого момента его вниманіе переходитъ въ сторону социологіи и социализма и антропологію онъ забрасываетъ окончательно. Лишь только въ 1882 году Лавровъ, какъ бы мимоходомъ, вернулся къ старой темѣ. Мы имѣемъ въ виду его извѣстное предисловіе къ русскому изданію «Антропологіи» Э. Б. Тайлора ²⁾. Предисловіе это даетъ мало новаго. Здѣсь уже не чувствуется прежней эрудиціи Лаврова въ эгомъ предметѣ и знакомства его съ шагами этой области за послѣдніе годы. Большинство цитатъ, ссылокъ и иллюстрацій имъ заимствуется изъ его старыхъ работъ и сразу ощущается, что Лавровъ не слѣдилъ съ прежней энергіей и вниманіемъ за этимъ предметомъ. Помимо этого въ своемъ предисловіи Лавровъ разсматриваетъ развитіе антропологіи въ общей эволюціи человѣческаго развитія, связывая ее съ исторіей мысли. Здѣсь несомнѣнно сказалось влияніе его работы надъ „Опытомъ исторіи мысли“, который онъ писалъ какъ разъ въ это время. „Мы будемъ говорить,—пишетъ Лавровъ,—только объ антропологіи какъ ее фактически выработала *исторія мысли* въ началѣ послѣдней четверти XIX столѣтія“ ³⁾. Эта новая точка зрѣнія на антропологію сказывается на всемъ характерѣ предисловія Лаврова. Оцѣнивая, на примѣръ, значеніе антропологіи, Лавровъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что эта наука принадлежитъ къ міросозерцанію, извѣстному подъ именемъ *реализма*, который «ведетъ упорную борьбу съ догматическими и метафизическими ученіями, унаслѣдованными отъ прежнихъ *періодовъ мысли* и съ которыми ни въ какія сдѣлки оно входитъ не можетъ и не должно, такъ какъ оно хранитъ въ себѣ, въ убѣжденіи его сторонниковъ, единственный источникъ

¹⁾ Ibidem стр. 23.

²⁾ Книга эта вышла тремя изданіями въ 1882, 1898 и 1908 гг. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ предисловіе по цензурнымъ условіямъ было анонимно и лишь только въ 1908 г. подъ нимъ появилась подпись П. Лаврова.

³⁾ Предисловіе къ русскому изданію „Антропологіи“ Э. Б. Тайлора 1898 года стр. XVI.

будущаго *прогресса мысли*“. По мнѣнію Лаврова, „три науки стали послѣдовательно центрами этой борьбы, какъ бы воплощая въ своихъ теоріяхъ право свободы человѣческой *мысли*“. „Это была, говорить онъ дальше,—астрономія въ эпоху Галилея; это была геологія въ началѣ нынѣшняго столѣтія; эта же роль принадлежитъ въ наше время антропологіи“¹⁾. Второе значеніе антропологіи то, что она служитъ объединяющимъ центромъ общедоступныхъ научныхъ знаній. „До антропологіи,—пишетъ Лавровъ,—эту роль централизирующаго знанія, интереснаго большинству именно сближеніемъ данныхъ изъ разныхъ *сферъ мысли*, стала играть до извѣстной степени въ XIX вѣкѣ географія. Но антропологія имѣла въ этомъ отношеніи безспорное преимущество, такъ какъ она охватывала болѣе обширный горизонтъ, затрагивала болѣе интересные вопросы“²⁾. Наконецъ, третье значеніе антропологіи то, что она „заняла слишкомъ видное мѣсто въ современной борьбѣ за свободу *критической мысли*“³⁾. Изъ приведенныхъ мѣстъ достаточно ярко сказывается вліяніе основной точки Лаврова въ его мировоззрѣніи—эволюціи человѣческой мысли на трактовку имъ антропологіи.

Самый предметъ антропологіи, какъ видъ опредѣленной науки, Лавровъ здѣсь опредѣляетъ въ общихъ чертахъ также какъ и въ 1868 г. Онъ намѣчаетъ три ея отрасли: 1) общую или зоологическую антропологію, 2) сравнительную и 3) доисторическую. Характерно только здѣсь отмѣтить, что подотдѣлъ сравнительной антропологіи, названный раньше *типологіей личностей*, онъ теперь замѣняетъ *теоріей соціологическихъ типовъ*. „обусловленныхъ раздѣленіемъ труда“⁴⁾.

Содержаніе остается прежнее, но измѣняется терминологія и объясненіе самыхъ „типовъ“. Здѣсь уже сильно сказывается на Лавровѣ вліяніе соціологіи. *Изъ другихъ* измѣненій во взглядахъ Лаврова надо отмѣтить то обстоятельство, что онъ отграничиваетъ теперь отъ антропологіи *лингвистику* въ отдѣльную научную дисциплину. „Наука человѣческой рѣчи,—говоритъ онъ,—въ ея основныхъ формахъ, въ ея разновидностяхъ и въ ея эволюціи, составляетъ de facto *обособленный научный* отдѣлъ“⁵⁾.

Наибольшимъ интересомъ отличаются тѣ мѣста предисловія Лаврова, въ которыхъ онъ стремится отграничить антропологію отъ зоологіи, соціологіи и исторіи.

Отъ зоологіи антропологія отличается тѣмъ, что ей „приходится искать подготовленія явленій и формъ жизни исторической, до которой дошло развитіе нѣкоторыхъ разновидностей этой группы, и которую мы не наблюдаемъ въ другихъ животныхъ“⁶⁾. Отъ соціологіи антропологія разнится тѣмъ, что она „разсматриваетъ группы человѣка, какъ сходныя

1) Предисловіе къ русскому изданію „Антропологіи“ Тайлора 1898 г. стр. XI.

2) Ibidem стр. XIII.

3) Ibidem стр. XV.

4) Ibidem стр. VI и XIX.

5) Ibidem стр. XXV.

6) Ibidem стр. XXIII.

или различныя, вовсе *не придавая значенія* степени ихъ солидарности“ Соціологія же только и разсматриваетъ условія солидарности въ группахъ животныхъ и человѣка. Ростъ, ослабленіе и развитіе солидарности и есть ея предметъ. Грань же между антропологіей и исторіей заключается въ томъ, что первая наука ^{береть} ~~будетъ~~ ^{человѣчество}, не приобщившееся къ исторической жизни „Антропологіи принадлежитъ,—по мнѣнію Лаврова,—разсмотрѣніе доисторическаго періода племенъ. не имѣвшихъ исторіи, а въ историческихъ цивилизаціяхъ изученіе тѣхъ процессовъ, которые образовали бессознательно національности и соціологическіе типы, изученіе ^{жизни} классовъ, еще не имѣвшихъ возможности участвовать въ исторической жизни“¹⁾. Исторіи же „принадлежать явленія прогресса въ историческихъ національностяхъ, работа мысли надъ обычаемъ и преданіемъ, жизнь тѣхъ группъ, которыя участвовали въ историческомъ процессѣ“. Такимъ образомъ, область антропологіи по объекту изслѣдованія значительно шире исторіи, такъ какъ послѣдняя изучаетъ, такъ сказать, квалифицированный видъ человѣка, „Объекты исторіи,—заключаетъ Лавровъ,—составляли всегда лишь болѣе или менѣе обширныя *острова* въ *океанѣ* объектовъ антропологіи“²⁾. Предисловіе Лаврова къ книгѣ Тайлора было послѣдней его работой по антропологіи. Больше къ этому предмету онъ не вернулся...

Изъ всего сказаннаго, мы видимъ, что у Лаврова было три точки зрѣнія на антропологію, которыя въ извѣстной послѣдовательности смѣняли одна другую. Въ началѣ 1860 г. въ періодъ занятій философій онъ подходилъ къ этому предмету съ точки зрѣнія своей философской системы, извѣстной подъ именемъ „антропологизма“. Въ концѣ 60 годовъ, въ бытность свою въ ссылкѣ, онъ занимался *чистой* антропологіей, какъ определенной научной дисциплиной. Наконецъ, въ началѣ 80 годовъ онъ разсматривалъ антропологію въ видѣ иллюстраціи въ общей эволюціи человѣческой мысли, исторіей которой онъ былъ занятъ до послѣднихъ дней своей жизни³⁾.

Заканчивая обзоръ дѣятельности Лаврова, какъ антрополога, необходимо еще отмѣтить, что онъ, будучи редакторомъ „Заграничнаго Вѣстника“, перевелъ и помѣстилъ въ этомъ журналѣ въ 1864 г. извѣстную рѣчь Брока, произнесенную послѣднимъ въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ 4 іюня 1863 г. Кромѣ того, Лаврову принадлежитъ работа, посвященная дѣятельности антропологическаго отдѣленія общества любителей естествознанія при московскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію, статья эта до сихъ поръ еще не розыскана въ старыхъ журналахъ⁴⁾.

1) Ibidem XXIV.

2) Ibidem стр XXIII.

3) Посмертной работой Лаврова явился громадныи трудъ—„Важнѣйшіе моменты мысли“, изданный по цензурнымъ условіямъ подъ псевдонимомъ А. Доленги.

4) О томъ, что ^{работа} ~~статья~~ эта существуетъ, можно найти указанія въ статьѣ самаго Лаврова—Антропологіи въ Европѣ и ихъ современ. значеніе—„Отечест. Записки“ за 1869 г. № 3 стр. 21.

Намъ остается теперь дать оцѣнку всей дѣятельности Лаврова въ области антропологии. Конечно, было бы желательно, чтобы по этому поводу высказались наши русскіе антропологи. Но они до сихъ поръ не удосужились сдѣлать этого. Впрочемъ, къ нимъ пока еще нельзя и предъявлять подобныхъ требованій, ибо еще слишкомъ рано въ Россіи писать обзоры по исторіи развитія антропологии... А истинная роль Лаврова въ этой области только тогда и выяснится. Со своей стороны, мы скажемъ по этому поводу лишь нѣсколько словъ, отнюдь не претендуя на авторитетность нашихъ сужденій...

Нѣтъ сомнѣнія, что Лавровъ оставилъ весьма замѣтный слѣдъ въ общемъ развитіи или лучше сказать *привитіи* этой молодой науки въ Россіи. Правда, онъ не оставилъ никакихъ крупныхъ трудовъ по этой области, посвященныхъ какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросамъ, но ему принадлежитъ неоспоримая заслуга горячей пропаганды этой науки на страницахъ общихъ литературныхъ органовъ того времени, являющихся самыми распространенными въ русскомъ обществѣ. Знакома широкіе круги русской читающей публики съ положеніемъ антропологии за-границей, съ ея современнымъ развитіемъ, съ ея главными направленіями и насущными задачами, Лавровъ несомнѣнно содѣйствовалъ этимъ ея развитію въ Россіи, пробуждая къ ней интересъ, дѣлая популярной ея идеи и стремленія. Во всякомъ случаѣ, статьи Лаврова въ тогдашнее время являются самыми лучшими (если не единственными) въ русской литературѣ и главнымъ образомъ черезъ Лаврова русское общество и знакомилось тогда съ развитіемъ антропологии, какъ науки. Лаврову же принадлежитъ заслуга первой попытки выдвинуть въ русской литературѣ вопросы *теоріи* антропологии и здѣсь онъ оставилъ своими „этюдами“ весьма замѣтный слѣдъ въ бѣдной и скудной русской антропологической литературѣ. На долю же Лаврова выпала честь работать совмѣстно въ качествѣ редактора въ парижскомъ журналѣ съ „отцомъ“ современной намъ антропологии—Брока. Мы можемъ гордиться тѣмъ, что въ лицѣ Лаврова, мы какъ бы участвовали въ дѣлѣ созданія и развитія новой науки, каковой тогда въ Европѣ и являлась антропология... Таковы вкратцѣ итоги всей дѣятельности Лаврова въ этой области. Будемъ надѣяться, что русскіе спеціалисты-антропологи когда нибудь дадутъ болѣе полную оцѣнку Лаврова и этимъ почтутъ память этого выдающагося чело-вѣка... Мы же ограничимся сказаннымъ.

Статья Лаврова—„Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губерніи“—занимаетъ довольно видное мѣсто въ его работахъ по антропологии. Дѣло въ томъ, что Лавровъ, какъ мы видѣли раньше, писалъ главнымъ образомъ по теоріи антропологии и ея развитію за-границей. Статей, посвященныхъ спеціально Россіи, у него нѣтъ. Единственной его работой въ этой области и была его статья, помѣщенная въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Вотъ почему она представляетъ крупный интересъ и цѣнность. Статья эта отнюдь не является чѣмъ-то случайнымъ и обособленнымъ въ занятіяхъ Лаврова антропологіей. Она

представляет собой какъ бы логическое продолженіе его статьи „Антропологи въ Европѣ и ихъ современное значеніе“. Заканчивая ее, Лавровъ подымаетъ вопросъ объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ, но здѣсь онъ находитъ цѣлый рядъ затрудненій. *„Не всякая страна, — говоритъ онъ, — служитъ годною мѣстностью для точки исхода подобнаго изслѣдованія, и черепа древнихъ раскопокъ этою точкою исхода служить ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Надо идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не наоборотъ и начинать съ точекъ, гдѣ приблизительно можно допустить самый простой случай для разрѣшенія“.* На помощь антропологиі въ данномъ случаѣ приходитъ исторія. „Она, — пишетъ Лавровъ, — сохранила преданія переселенія племенъ въ ближайшее къ намъ время и, слѣдовательно, всюду, гдѣ *намъ извѣстно исторически*, что племена *смѣшивались*, подвергались вліянію разнообразныхъ *климатическихъ и топографическихъ* условий, переходили чрезъ весьма различныя степени культуры, тамъ, очевидно, вопросъ столь сложенъ, что теперь же рѣшить его *нельзя*. Этимъ самымъ исключается возможность рѣшенія вопроса въ наше время во всей *Западной Европѣ*, въ *южной и средней Россіи*, на всемъ пространствѣ мусульманскихъ завоеваній и всюду, гдѣ европейская колонизація оказала болѣе или менѣе значительное вліяніе“ ¹⁾. Поставивъ вопросъ на эту плоскость, Лавровъ дальше говоритъ о необходимости взять за точку исхода такую мѣстность, гдѣ вліяніе природы, культуры и смѣшенія было бы минимально. Здѣсь Лавровъ буквально слово въ слово повторяетъ то же, что онъ затѣмъ высказалъ въ первой половинѣ своей статьи въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Это обстоятельство въ связи съ *общей* постановкой вопроса объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ даетъ въ наши руки нити, по которымъ мы можемъ узнать, почему Лавровъ заговорилъ о необходимости начать изслѣдованія Вологодской губерніи. Ходъ его разсужденій въ данномъ случаѣ, слѣдуя изъ его собственныхъ посылокъ, былъ, приблизительно, такой. Разъ вся Европа, а затѣмъ южная и средняя Россія не могутъ быть „точкою исхода“ для производства антропологическихъ изслѣдованій, то вполне естественно остается обратиться къ сѣверу Россіи и въ особенности къ ея *центральной полосѣ*, т. е. Вологодской губерніи. Лавровъ долженъ былъ придти къ этому выводу *неминуемо*. Вѣдь не надо забывать *географическаго* положенія Вологодской губерніи. Она имѣетъ *продольное* положеніе съ запада на сѣверо-востокъ. Такимъ образомъ, она пересѣкаетъ собой почти весь сѣверъ Европейской Россіи. Вотъ почему Лавровъ, коснувшись Россіи, долженъ былъ обязательно остановиться на Вологодской губерніи, какъ крайне благоприятной мѣстности для антропологическихъ изслѣдованій...

Изъ всего сказаннаго нами ясно, что статья Лаврова „Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губерніи“ явленіе далеко не случайное. Она входитъ въ циклъ его работъ по антропологиі и *лош-*

¹⁾ Антропологи въ Европѣ и ихъ современное значеніе „Отечеств. Записки“ за 1869 г. № 3, стр. 49.

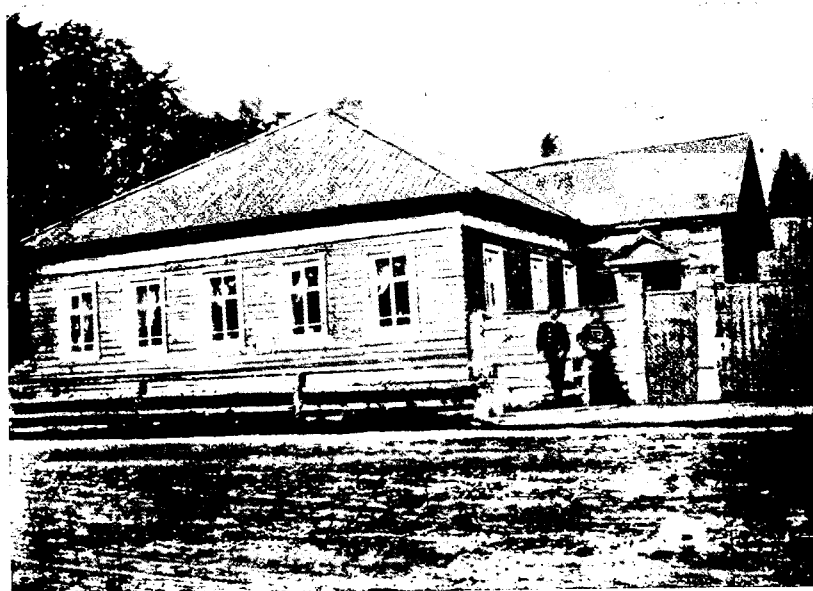
чески вытекаетъ изъ всѣхъ его взглядовъ на этотъ предметъ. Она какъ бы подводитъ итогъ его антропологическимъ взглядамъ по отношеніи къ Россіи.

На статью Лаврова я натолкнулся совершенно случайно при изученіи его литературной дѣятельности. Разыскавъ ее въ библіотекѣ Академіи Наукъ, я въ выдержкахъ ознакомилъ съ ней вологодскихъ читателей въ мѣстной газетѣ ¹⁾. Получивъ затѣмъ отъ „Вологодскаго Общества Изученія Сѣвернаго Края“ предложеніе прислать эту статью для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ“, я считалъ необходимымъ снабдить ее кое-какими примѣчаніями. Съ этой цѣлью я и обратился въ „Русское Антропологическое Общество при Императорскомъ Петроградскомъ Университетѣ“. Секретарь этого общества С. И. Руденко, а также его помощникъ Д. А. Золотаревъ съ большой готовностью пошли на встрѣчу моему предложенію. Благодаря содѣйствію С. И. Руденко, и любезно взятому на себя труду Д. А. Золотаревымъ, статья П. Л. Лаврова появляется съ небольшимъ предисловіемъ и со всѣми необходимыми примѣчаніями.

Свою статью мнѣ хочется закончить пожеланіемъ, что бы работа Лаврова о Вологодской губерніи, съ одной стороны, дала толчекъ къ производству антропологическихъ изслѣдованій въ этой мѣстности, а съ другой побудила русскихъ антропологовъ сказать свое слово о П. Л. Лавровѣ.

Петръ Витязевъ.

¹⁾ Вологодскій Листокъ“ № 809 отъ 25 января сего года.

Домъ въ Кадниковѣ, гдѣ жилъ во время ссылки П. Л. Лавровъ.

Къ статью „Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской губерніи“.

Свою характеристику Лаврова, какъ антрополога, мнѣ хочется ^{дополнить} ~~сказать~~ ~~небольшими~~ воспоминаніями профессора Д. Н. Анучина, которыми онъ любезно подѣлился со мной.

„О Лавровѣ,—пишетъ Д. Н. Анучинъ,—я имѣлъ понятіе еще въ 1860-хъ годахъ, когда читалъ его статьи, но познакомился съ нимъ лично только въ 1877—78 г.г. въ Парижѣ. Привелъ меня къ нему, сколько помнится, Н. И. Карѣевъ, а можетъ быть я встрѣтился съ нимъ въ одномъ изъ засѣданій „Парижскаго Антропологическаго Общества“. Помню раза 2—3 я былъ на лекціяхъ, которыя онъ читалъ по вечерамъ у себя на квартирѣ для русскихъ, о французской революціи. Съ тогдашней антропологической литературой и съ исторіей антропологіи онъ былъ знакомъ очень хорошо; еще въ 1870-хъ годахъ я пользовался *съ большою пользою его статьями*: „Антропологическіе этюды“ въ „Современномъ обозрѣніи“ за 1868 г. и „Обзоръ иностранной антропологической литературы“ въ „Библиографъ“ за 1869 г. Но интересовался онъ, по преимуществу, исторіей первобытной культуры (въ смыслѣ Тайлора) или общей этнологіей. Помню разъ въ Парижѣ онъ говорилъ мнѣ, что едва ли можно ожидать много прока отъ физической антропологіи, отъ наблюденій надъ живыми особями, отъ измѣреній череповъ и т. д., и что гораздо болѣе важенъ отдѣлъ *психической и культурной* антропологіи, которая можетъ повести къ лучшему пониманію развитія человѣка въ социальномъ отношеніи“.

Воспоминанія Д. Н. Анучина цѣнны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего онѣ намъ свидѣлствуютъ, что статьи Лаврова по антропологіи имѣли цѣнность не только для широкихъ слоевъ читающей публики, но и для лицъ, *спеціально занимающихся* этимъ предметомъ. Мы видимъ, что Д. Н. Анучинъ, готовящійся въ 70 г.г. къ научной дѣятельности „пользовался съ большою пользою“ статьями Лаврова. Признаніе это тѣмъ болѣе цѣнно, что оно принадлежитъ одному изъ самыхъ выдающихся русскихъ ученыхъ, каковымъ въ области антропологіи и географіи и является профессоръ Д. Н. Анучинъ... Интересно отмѣтить также, что Анучинъ обращаетъ вниманіе именно на тѣ статьи Лаврова, которыя имъ были написаны въ Вологодской губерніи, т. е. въ періодъ, когда онъ занимался „чистой антропологіей“. Это обстоятельство заставляетъ насъ думать, что мы были правы, когда считали, что для Лаврова „періодъ его ссылки былъ наиболѣе продуктивнымъ въ смыслѣ работъ и занятій по антропологіи“. Выставляя затѣмъ на первое мѣсто „Антропологическіе этюды“, Анучинъ опять какъ бы подтверждаетъ наше мнѣніе, что эти этюды могутъ считаться „наиболѣе цѣнными и интересными работами“ среди другихъ статей Лаврова. Конецъ воспоминаній Д. Н. Анучина очень интересенъ для характеристики той эволюціи, какую пережилъ Лавровъ въ своихъ взглядахъ на антропологію подъ вліяніемъ соціологіи и социализма. Именно эти двѣ области и привели къ тому, что Лавровъ въ послѣдствіи сталъ скептически смотрѣть на „физическую антропологію“, выдвигая на первое мѣсто тѣ ея

части, гдѣ затрагивается социальная жизнь человѣчества... Еще въ 1869 г. Лавровъ, какъ мы уже видѣли изъ его статьи—„Обзоръ иностранной антропологической литературы“, указывалъ на необходимость для антропологии заняться *психической* жизнью человѣчества. Въ дальнѣйшемъ же эта точка зрѣнія подъ вліяніемъ социализма не только укрѣпилась во взглядахъ Лаврова, но и стала даже доминирующей, на что и указываетъ Анучинъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

П. Витязевъ.

